

Секция 1

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

18 мая 2012 г.
гостиница «Рэдисон SAS»

Руководители секции:

Г. М. ГАТИЛОВ	заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
П. ДУТКЕВИЧ	директор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета (Оттава, Канада), доктор философии, профессор
Цзин Цзе ЛИ	президент Китайской ассоциации по изучению России, Восточной Европы, член Национального политического консультативного комитета КНР, академик Китайской академии общественных наук
Э. В. МИТРОФАНОВА	председатель Исполнительного совета ЮНЕСКО, Постоянный представитель РФ при ЮНЕСКО в Париже, Чрезвычайный и Полномочный Посол, доктор экономических наук

О. Н. Астафьева¹

ВРЕМЯ АНТИМАНИФЕСТА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА ИЛИ КОНКУРЕНЦИИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ?

Новым испытанием для национально-культурной идентичности разных стран стал призыв западноевропейских лидеров вернуться к обсуждению идеи мультикультурализма. Сегодня ими пронизан мировой политический и массмедийный дискурс. В то время как одни осуждают их и призывают предать мультикультурализм полному забвению по причине негативного опыта его внедрения и несоответствия современной ситуации, другие призывают глубже разобраться в сути постулируемых мультикультурализмом теоретических конструкций, проанализировать уже сложившиеся в разных странах практики сосуществования людей в рамках единой территории — носителей разных культурных традиций и религиозных ценностей.

Импульс политическим дебатам о европейской коллективной идентичности, которая базировалась на принципах культурного плюрализма и сохранения этнокультурной самобытности в условиях единого культурного пространства², придали глобализацион-

ные процессы и сопровождающие их социальные конфликты. На наш взгляд, они подтвердили то, что, казалось бы, было очевидным: мультикультурализм не может иметь одностороннюю трактовку только с позиции права на культурные ценности и традиции, на этнокультурную самобытность, поскольку нереализуем *вне признания ответственности* за включенность в многокультурную среду, за соблюдение норм и правил социального поведения. Более того, напряжение заложено в самом процессе идентификации, определяемом М. Мерло-Понти как процесс самоосознания себя и своего места в социуме и одновременно как осознание синхронности жизни одного человека с жизнью другого представителя этого же социума, все большего расхождения между обыденным миром и ценностными суждениями людей других групп (или страт). В результате социальное пространство начинает поляризоваться, усиливая сплоченность каждой из групп³, которые либо вступают в позитивное взаимодействие, либо перейдут в открытое противостояние.

Обратимся к европейским событиям последнего десятилетия, когда второе и третье поколения жителей европейских стран (бывших мигрантов, выходцев из других стран), отстраненные (или самоустраивающиеся) от процессов формирования национально-культурной идентичности (в том числе ее гражданской составляющей), вступили в фазу маргинализации, социальных деформаций и нестабильности. Ее характеристикой стало разрушение этнокультурных кодов, изменение стиля и образа жизни, что произошло значительно быстрее, чем можно было бы предположить. При анализе картины кризиса коллективной идентичности в разных странах

¹ Директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры ЮНЕСКО РАНХиГС, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 250 научных работ, в т. ч. книг: «Культурная политика как теоретическое понятие и управленческая деятельность», «Культурология. Теория культуры» (в соавт.), «Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы» и др. Главный редактор электронного научного издания «Культурологический журнал / "Journal of Cultural Research"», заместитель главного редактора журнала «Личность. Культура. Общество», председатель Московского филиала научно-образовательного культурологического общества, член Союза композиторов России, Российского философского общества.

² См.: Culture: Building Stone for Europe 2002: Reflections and Perspectives / ed. L. Bekemans. Brussels, 2002.

³ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. П. Фокина. СПб., 1999. С. 561.

напрашивается вывод: становление идентификационных матриц как стихийный процесс самоопределения, оставленный без внимания общества и государства, пошел не по тем ценностным руслам, которые предположительно выстраивались в целевой перспективе культурных политик разных европейских стран.

В результате прошедшие события повлияли на репутацию культуры в провозглашаемой стратегии устойчивого развития, где культура рассматривалась как один из основных ресурсов. В итоге на основании не всегда научно и профессионально обоснованных политических суждений концепция мультикультурализма подверглась критике. Заметим, что это вполне оправданно по отношению к ее негативным сценариям внедрения, но не всегда обоснованно по отношению к позитивным практикам ее реализации в канадской модели, позволяющей поддерживать культурное разнообразие на протяжении длительного времени.

Зададимся естественными для обсуждения этой дискуссионной проблемы вопросами: «Так, может быть, дело не только в принципах, развиваемых в той или иной концепции?», «Всегда ли результат сосуществования, заложенный в теоретической модели, будет однозначно позитивным в реальности?», «На каких принципах осуществляется взаимодействие людей в *неинтегрированном* обществе, если оно выражается в разных формах — открытой конкуренции и столкновения, “скрытого” противостояния в рамках одного государства, компромисса и поиска баланса сил и интересов групп и сообществ?»

На наш взгляд, ответы на все эти вопросы должны содержаться в концепциях культурной политики государства, инструментами которой возможна корректировка стратегий разных социальных групп в обществе. Самое сложное в этом процессе — договориться о «правилах игры» или общих принципах, которые принимались бы обществом, несмотря на наличие частных противоречий и подходов.

По нашему мнению, *жизненность любой концепции*, закладываемой в стратегию культурной политики и включенной в социальную практику, коренится в возможности ее адаптации к изменяющимся условиям. Вариативность и многообразие коммуникативных практик и моделей социального взаимодействия людей как носителей разных культурных традиций и религиозных ценностей отражают *сложность реализации концепции мультикультурализма* в настоящее время, которая не может не учитываться в стратегии культурной политики, нацеленной на конструирование коллективной идентичности.

В разные исторические периоды в качестве альтернативных идей, лежащих в основе того или иного типа мультикультурализма («мультикультурализм бунтика», «неолиберальный», «критический», «повстанческий», «полицентричный» мультикультурализм, «мультикультурализм страха» и др.), предлагались идеи «вращения» и эксплуатации экзотических культур; нивелирования индивидуальных критериев свободы культурного разнообразия и коммерциализации системы взаимодействия между культурами; признания культурных различий с целью недопущения насилия в сфере духовной

репрезентации; субстанционализации политической подоплеки культурных проявлений общественного характера. В ряде моделей мультикультурализма развитие получили положения о связи культурного разнообразия с историей колонизации мира, о возможности уменьшения или смягчения угроз межэтнических войн, внутриобщинного насилия и/или государственного насилия по отношению к тем людям и сообществам, культурным меньшинствам, которые пытаются изменить или отречься от своей прежней культурной идентичности. В последние десятилетия распространились идеи приоритета личной свободы культурного самоопределения над общественным при одновременном провозглашении свободы этнокультурной группы, где субъектная представленность размывается; эти идеи характеризуются как «либеральный» мультикультурализм¹.

Так какой же тип мультикультурализма распространен в европейских странах и был оценен как негативно воздействующий на социокультурную стабильность?

Существует модель «коммунитаристского» мультикультурализма в ее канадском варианте, где приоритет общества над индивидом, предпочтения при решении вопроса о культурном многообразии строятся исходя из приоритетов общества². Но и эта «базовая схема», закрепленная в канадской модели мультикультурализма, ежегодно дополняется и уточняется. В открытых для всего общества официальных отчетах правительства о практической реализации Акта о мультикультурализме (1971) уже на протяжении многих десятилетий властная элита (чиновники, ученые и эксперты) оценивает достигнутый в канадском обществе уровень толерантности и взаимопонимания, адекватность используемых мер и ресурсов для поддержания этнокультурной самобытности как иммигрантов, так и коренных народов, для сохранения всего спектра культурного разнообразия. Обсуждаются также существующие гарантии защиты индивидуальных прав иммигрантов и коллективных прав этнокультурных общин и объединений, выявляются новые проблемы и направления деятельности, такие как предотвращение расизма и разных форм неравенства. Тем самым формируются основания для коллективной идентичности.

Распространение концепции мультикультурализма и ее значение в связи с развитием глобализации повышаются, поскольку мультикультурализм сегодня выступает одним из факторов, влияющих на потенциал межкультурного диалога в условиях территориальной мобильности, наряду с признанием культурного разнообразия, необходимостью воспитания толерантности в обществе, формированием коллективной (гражданской) идентичности, развитием демократии и гражданского общества. Идеи мультикультурализма коррелируют модели культурной политики в условиях глобализации, доминантами которых становятся информационно-коммуникативная природа социального взаимодействия и творческий потенциал культуры поведения. Однако общественное сознание продолжает тревожить вопрос о реальных перспективах сохранения мирного сосуществования в едином пространстве

¹ См.: Токтосунова А. И. Этнокультурная идентичность и диалог в условиях глобализации. Бишкек, 2007. С. 79.

² См.: Там же.

людей, разделяющих разные культурные и религиозные ценности.

Является ли парадигма мультикультурализма, возникшая в условиях интенсификации миграционных процессов, только благим намерением высококультурных сообществ экспертов, ученых и политиков снять конфликтное напряжение в обществе?

Насколько она подкреплена законодательно? Обеспечиваются ли права человека и гражданина независимо от его этнокультурной и религиозной принадлежности в полном объеме, соответствующем современному цивилизационному уровню?

Построение многофакторных культурологических моделей, включающих адаптационные, идентификационные, коммуникативные составляющие, связано с решением масштабных задач, обусловленных интенсификацией миграционных потоков, концентрацией факторов социального напряжения в странах, принимающих базовые принципы свободного саморазвития культур в едином территориальном пространстве.

В России процессы демократизации, с одной стороны, способствуют укреплению культурного плюрализма (рост разнообразия и множественности форм проявления культуры, признание многовариантности социокультурного развития и т. д.), но с другой стороны, обнажают существующие расхождения между декларациями равенства культур и возможностью признания ценностей одной культуры равными ценностям другой культуры. Все чаще при обсуждении проблемы

культурного разнообразия доминантой становится выявление *границ конвенционализма и универсализма* как объяснительных моделей взаимодействия в условиях глобализации, что актуализирует проблему «злоупотребления культурой», связанную с оборотной стороной культурной толерантности в условиях социального неравенства¹. А на передний план обсуждения выносит проблему совершенствования практик внедрения мультикультурализма, поскольку и в теоретическом, и в массмедийном поле имеют место искажения его принципов. На наш взгляд, признание многообразия культур сохраняет свой статус важнейшего условия существования людей в мире, а наделение этого принципа нравственными коннотациями может усилить гуманистическую составляющую культурологического дискурса публичной политики.

Таким образом, распространение мультикультурального подхода привело как к позитивным, так и к негативным результатам. Переосмысление мультикультурализма связано с отказом от пустого декларирования устаревших положений в разработке реальных механизмов у правительств поликультурных государств для предоставления каждому человеку *шанса преодолеть социальное и культурное неравенство, получить равные права для творческого саморазвития и самореализации*. Если возможности социальной защиты и материальной поддержки, доступа к культурным ценностям и информационным ресурсам отсутствуют, то достижение позитивных результатов проблематично.

¹ См.: Barry B. Culture and Equality: An Egalitarian Critique of Multiculturalism. Cambridge, 2002. P. 279–291, 324–325.